

К. ПАУСТОВСКИЙ
ТЁПЛЫЙ ХЛЕБЪ
ХУДОЖНИК Е. МЕШКОВ

Когда кавалеристы проходили через Бережки, немецкий снаряд разорвался на околице и ранил в ногу вороного коня. Командир оставил коня в деревне, а отряд ушёл дальше, закатился за рощи, за холмы...

Ноня взял к себе мельник Панкрат. Панкрат вылечил коня. Нонь остался при мельнице и терпеливо возил глину, навоз и жерди — помогал чинить плотину.

По деревне говорили, что конь общественный, и каждый считал своей обязанностью его покормить. Постоит конь у ворот, постучит мордой в калитку, и, глядишь, ему вынесут или чёрствого хлеба, или ботвы, или даже сладкую морковку. □

Зима в этот год стояла тёплая. Около мельничного лотка вода не замерзала. Панкрат уже починил мельницу и собирался молоть хлеб: хозяёны жаловались, что мука кончается. □

В один из таких тёплых серых дней раненый конь постучал мордой в калитку дома, где жил со своей бабкой мальчик Фильна по прозвищу Ну Тебя. Фильна был молчаливый, недоверчивый, и любимым его выражением было: „Да ну тебя!“

Фильма сидел дома один и жевал кусок хлеба, круто посыпанный солью. Услышав стук, нехотя встал...

...вышел за калитку. Нонь переступил с ноги на ногу и потянулся к хлебу. „Да ну тебя!“ – крикнул Фильна и ударил коня по губам. А потом закинул хлеб далеко в рыхлый снег: – „На вас не напасёшься! Вон твой хлеб! Иди, копай!“

И вот после этого злорадного окри-
на и случились в Бережных те удиви-
тельные дела, о каких и сейчас люди
говорят, поначивая головами, потому
что сами не знают, было ли это, или
ничего такого не было...

Слеза скатилась у коня из глаз. Ночь заржал жалобно, протяжно, взмахнул хвостом, и тотчас в голых деревьях, в изгородях и печных трубах завыл, засвистел пронзительный ветер, вздул снег, запорошил Фильке горло.

Филька бросился в дом, но никак не мог найти крыльца – так уже мело кругом и хлестало в глаза.

Наконец, Филька вскочил в избу, припёр дверь, сказал: „Да ну тебя!“ – и прислушался. Сквозь рёв метели он слышал тонкий и короткий свист: так свистит конский хвост, когда рассерженный конь бьёт им себя по бокам.

Метель начала затихать к вечеру. А к ночи небо зазеленело, как лёд, звёзды примёрзли к небесному своду, и колючий мороз прошёл по деревне. Никто его не видел, но каждый слышал скрип его валенок по твёрдому снегу.

Бабка, плача, сказала Фильке, что наверняка уже замёрзли колодцы, и теперь их ждёт неминуемая смерть. Воды нет, мука у всех вышла, а мельница работать не сможет, потому что река застыла до самого дна.

Филька тоже заплакал от страха, когда мыши начали выбегать из подпола и хорониться под печкой в соломе. Он забрался на печь, укрылся тулупчиком и, весь трясясь, слушал причитания бабки:

—Сто лет назад упал на нашу округу такой же мороз. Замерозил колодцы, побил птиц, высушил до корня леса и сады. Десять лет стояла мёртвой наша земля...

— „Отчего же страся тот мороз?“ — спросил Филька. — „От злобы людской. Обидел тогда злой мужик солдата безногого, вот и страся мороз... Знать, и нынче завёлся в Бережках дурной человек, обидчик...“

– „Что же теперь делать, бабна? Неужто помирать?“ – „Зачем помирать? Надеяться надо – поправит дурной человек своё злодейство.“ – „А как его исправить?“ – всхлипнул Филька. 10

— „А об этом Панкрат знает, мельник. Он старик хитрый, учёный. Его спросить надо. Да неужто в такую стужу до мельницы добежишь? Сразу кровь остановится...“ — „Да ну его, Панкрата!“ — сказал Фильна и затих.

Ночью он слез с печи. За окнами воздух был синий, густой, страшный. Филька запахнул тулупчик, выскочил на улицу и побежал к мельнице.

Снег пел под ногами, будто артель весёлых пильщиков. Назалось, воздух замёрз и между землёй и луной осталась одна пустота. Чёрные ивы около мельничной плотины поседели от стужи.

Фильна постучал в окошко Панкратовой избы. Тотчас в сарае за избой заржал и забил копытом раненый конь. Фильна охнул и затаился.

Панкрат отворил дверь, схватил Фильку за шиворот и втащил в избу: „Садись к печке. Рассказывай, пока не замёрз.“

Филька рассказал Панкрату, как обидел раненого коня и как из-за этого упал на деревню мороз. — „Да-а! Выходит, что из-за тебя всем пропадать... За что коня обидел? Бессмысленный ты гражданин!“ — „Что же мне теперь делать, дедушка Панкрат?“

—Изобрести спасение от стужи. Тогда перед людьми не будет твоей вины. И перед лошадыю—тоже. Будешь ты чистый человек, весёлый. Понятно? Ну, вот и придумай. Даю тебе сроку час с четвертью.

В сенях у Панкрата жила сорока. Она не спала от холода, сидела и подслушивала. Потом она боком, озираясь, поснакала к щели под дверью.

Выскочила наружу и полетела прямо на юг. Никто её не видел, только лисица в глубоком яру заметила, как тёмной тенью пронеслась по небу сорока. Лиса долго потом гадала: „Нуда ж это в такую страшную ночь подалась сорока?“ [27]

– Ну, время твоё вышло, – сказал Панкрат. – Выкладывай!
Льготного срока не будет.

— Я, дедушка Панкрат, как рассветёт, соберу со всей деревни ребят. Возьмём ломы, пешни, топоры, будем рубить лёд у мельницы, покамест не дорубимся до воды и не потечёт она на колесо.

—Ишь ты, шустрый какой! А ежели не согласятся ребята за твою дурь расплачиваться своим горбом? Ежели снажут: „Да ну его!“ — „Согласятся! Я их умолю. Наши ребята — хорошие!“ — „Ну, валяй, собирай ребят. А я со стариками потолкую...“

В морозные дни солнце восходит багровое, в тяжёлом дыму. И в это утро поднялось над Бережками такое солнце. На реке был слышен частый стук ломов. Трещали костры. Ребята и старики работали с самого рассвета!

И никто сгоряча не заметил, что после полудня небо затянулось низкими облаками и задул по седым ивам ровный и тёплый ветер. Запахло весной, навозом. Ветер дул с юга. С каждым часом становилось всё теплее.

Вороны вылезли из-под застрех и обсыхали на трубах, толкались и каркали. Не было только старой сороки.

Она прилетела к вечеру, когда от теплоты лёд начал оседать, работа у мельницы пошла быстро и показалась первая полынья с тёмной водой.

А сорока сидела над плотиной и рассказывала воронам, что она долетела до тёплого моря, где спал в горах летний ветер, и упросила его помочь людям. Всем известно, что сорока—самая болтливая птица, и потому вороны ей не поверили.

Правду ли говорила сорока — неизвестно. Одно только известно, что к вечеру лёд треснул, ребята и старики нажали — и в мельничный лоток хлынула с шумом вода. Старое колесо скрипнуло и медленно повернулось.

Заскрежетали жернова, мельница затряслась, заходила ходуном и пошла стучать, скрипеть, молотить зерно. В мешки текла горячая мука. Женщины окунали в неё озябшие руки и смеялись.

Избы светились от жаркого печного огня. Хозяйки месили тугое сладкое тесто. И всё, что было живого в избах—ребята, кошки, даже мыши,—всё это вертелось около хозяек.

Ночью по деревне стоял такой запах тёплого хлеба, что даже лисицы вылезли из нор, сидели на снегу, дрожали и тихонько скулили, соображая, как бы словчиться стащить хоть кусочек этого чудесного хлеба.

На следующее утро Филька пришёл вместе с ребятами к мельнице. Он тащил буханку свежего хлеба, а совсем маленький мальчик Николка держал солонку с крупной жёлтой солью.

— „Что за явление? Мне, что ли, хлеб-соль подносите? За какие такие заслуги?“ — „Да нет! — закричали ребята. — Тебе будет особо. А это раненому коню. От Фильни. Помирить их хотим“. — „Ну что ж, — сказал Панкрат, — не только человеку извинение требуется“.

Он отворил ворота сарая, выпустил коня. Конь вытянул голову, заржал—учуял запах свежего хлеба. Фильна разломил буханку, посолил хлеб и протянул коню.

Но конь хлеба не взял, попятился. Тогда Филька перед всей деревней громко заплакал. Ребята притихли, а Панкрат потрепал коня по шее и сказал: „Не пужайся! Филька—не злой человек. Бери хлеб, мирись!“

Нонь помотал головой, подумал, потом осторожно взял хлеб мягкими губами. А когда съел весь хлеб, положил голову Фильке на плечо, и вздохнул, и закрыл глаза от сытости и ;довольствия.

Все улыбались, радовались. Только старая сорока сердито трещала: должно быть, хвасталась, что это она помирила коня с Филькой. Но никто её не слушал, и сорока от этого сердилась всё больше и трещала, как пулемёт.

конец